Часы летели с удивительной быстротой, свойственной времяпрепровождению на природе. Вот и сейчас в серо-фиолетовом небе уже висела красивым желтым фонарем луна. Пришвартованная у мыса острова Гловер[1] со стороны Мидлсекса[2] лодка-плоскодонка плавно вздымалась и опускалась на приливной волне.

Откинувшаяся на подушки девушка лежала на траве, заложив руки за голову и разглядывая струящийся с небес мягкий лунный свет сквозь сложившиеся в причудливый узор листья. Она выглядела бы привлекательной даже в ненастье, а в таком очаровательном сумраке стала просто прекрасной. Прямая линия рта свидетельствовала о сильном характере женщины. Дополняли картину соломенные волосы и синие глаза, выглядящие темнее обычного в потемках надвигающейся ночи.

Однако взгляд мужчины был устремлен не на красавицу. Молодой человек обеспокоенно-задумчиво всматривался в плавный бег воды. Его лицо также казалось привлекательным, но, похоже, он не обладал ни твердостью воли своей миловидной спутницы ни, ее жизнелюбием.

Десять минут назад он сделал ей предложение и получил отказ.

Не в первый раз, нет. Однако на эту попытку он возлагал особые надежды.

Объятия мягко обдувающего ветра нынешним вечером выдались особенно теплыми. Вдвоем они любовались, как на старую речку наползают растущие тени. Что немаловажно, стояла весна: в этом времени года определенно есть нечто особенное, помимо поэтической сентиментальности. А желтый фонарь над ними подмигивал сквозь ветки деревьев, выражая ироничное одобрение.

Но несмотря на удачно сложившиеся обстоятельства, она покачала головой. В ответ он получил только выводящие из себя заверения, что он ей «нравится».

— Я никогда не выйду замуж, — твердо сказала девушка. — Ты знаешь, почему.

— Да, знаю, — горько ответил мужчина. — Это все Каррутерс.

---

[1] Остров на Темзе.

[2] Бывшее графство на юго-востоке Англии.

И теперь он мрачно, едва ли не яростно всматривался в те самые воды, где искушение поманило его.

Он, пожалуй, злился бы меньше, будь Каррутерс жив: можно было вступить с ним в отчаянное соперничество, хоть и пришлось бы нелегко. Однако тот спал беспробудным сном в отмеченном крестом последнем пристанище.

Ситуация безнадежна: живой человек не в силах противостоять воспоминанию. Это было несправедливо. Он рисковал всем, как и Каррутерс, хотя ему повезло вернуться живым. Такая настойчивая, исключительная преданность человеку, который никогда не вернется, была нездоровой.

Внезапно ему пришла мысль.

— Оливия... — начал он.

— Да? — тихо откликнулась девушка.

— То, что я сейчас расскажу, ты должна знать во благо нас обоих. Ты наверняка сочтешь это грубостью, но я готов пойти на риск.

Мужчина встал, избегая встречаться с ней взглядом

— О чем ты? — потребовала ответа Оливия.

— Как ты знаешь, мы с Каррутерсом были когда-то приятелями...

— Да, — кивнула девушка, не понимая, к чему тот клонит. — Что ты хочешь сказать?

— Он был ничуть не лучше других, — прямо ответил мужчина. — Неправильно приносить себя в жертву воспоминаниям, неправильно обожествлять идола на глиняных ногах.

— Ненавижу иносказания, — холодно откликнулась Оливия. — Ты пояснишь, что имеешь в виду под «глиняными ногами», или нет?

От собеседника не укрылась ее враждебность.

— Я не хотел тебе раскрывать — и при иных обстоятельствах и не стал бы, но мне придется это сделать ради нашего блага...

— Да ради всего святого, говори уже!

— Я узнал об этом случайно, в отеле «Гордон» в Брайтоне. Перед тем как уйти на войну, он остановился там вдвоем с молодой особой, зарегистрированной как миссис Каррутерс, — и это в то время, когда был помолвлен с тобой.

— Зачем ты мне это говоришь? — тихим, слегка хриплым голосом спросила Оливия после долгого молчания.

— Разумеется, ты понимаешь, к чему я клоню, моя дорогая: он был ничуть не лучше других. Придуманный тобой совершенный образ на самом деле вовсе не идеал. Он был храбрым, чертовски храбрым солдатом и моим приятелем — до тех пор, пока наши сердца не похитила ты. Но совершенно несправедливо, что ты так увлеклась воспоминаниями о нем. Это... противоестественно.

— Наверное, ты думаешь, что я должна вознегодовать?

В ее голосе не было ни малейшего намека на эмоции.

— Я лишь хочу, чтобы ты увидела, что постамент у твоего идола глиняный, — ответил собеседник с упрямством человека, чувствующего, что он проигрывает.

— И что с того? Ты же знаешь, я люблю его.

— Другие женщины тоже любили... — с горечью ответил мужчина.

— И забыли его? — оборвала его девушка. — Да, знаю. Но я — не забываю. Вот и все.

— Но после такой новости ты не могла не...

— Видишь ли, я все знала, — ответила Оливия еще тише.

— Ты... знала?

— Да. Это я была там с ним. Перед тем, как он ушел на войну, — добавила она, чуть поразмыслив.

И больше ничего не нарушало мертвую тишину, кроме негромкого шума воды и резвящегося в кронах ветра.

Перевод с английского Евгения Никитина.